

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой Трагедіи: The city of the plague.)

*(Улица. Накрытый столъ. Пьсколько пирующихъ
мужинъ и женщинъ.)*

Молодой человекъ.

Почтенный предсѣдатель! я напомню
 О человекѣ, очень намъ знакомомъ,
 О шомъ, чьи шушки, повѣсти смѣшныя,
 Ошвѣшы острые и замѣчанья,
 Споль фдкія въ ихъ важности забавной,
 Заспольную бесѣду оживляли
 И разгоняли мракъ, кошорый нынѣ
 Зараза, гостья наша, насылаешъ
 На самые блестящіе умы.
 Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
 Его рассказы; не возможно бышь,

Чшобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
 Забыли Джексона! Его здѣсь кресла
 Спящъ пусныя, будшо ожидая
 Весельчака — но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища
 Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахъ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣтъ печалишься. И шакъ
 Я предлагаю выпить въ его память,
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будшо бѣ былъ онъ живъ.

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

М о л о д о й ч е л о в ѣ к ѣ.

Да будешь шакъ!

(Всѣ пьютъ молча.)

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Твой голосъ, милая, выводигь звуки
 Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;

Спой, Мери, намъ, уныло и просяжно,
 Чшобъ мы попомъ къ веселью обратились
 Безумиѣ, какъ пошъ, кто опъ земли
 Былъ оплученъ какимъ нибудъ видѣнъемъ.

М Е Р И (*поеть.*)

Было время, процвѣшала
 Въ мирѣ наша спорона:
 Въ воскресеніе бывала
 Церковь Божія полна;
 Нашихъ дѣшокъ въ шумной школѣ
 Раздавались голоса,
 И сверкали въ свѣпломъ полѣ
 Серпъ и быстрая коса.

*

Ныѣ церковь опущѣла;
 Школа глухо заперша;
 Нива праздно перерѣла;
 Роца темная пуща;
 И селенъе, какъ жилище
 Погорѣлое, сшоишъ, —
 Тихо все — одно кладбище
 Не пущѣшъ, не молчишъ —

*

Поминушно мершвыхъ носяшь,
 И спенанія живыхъ
 Боязливо Бога просяшь
 Упокоишь души ихъ!
 Поминушно мѣста надо,
 И могилы межъ собой,
 Какъ испуганное стадо,
 Жмушся шѣсною чередой!

*

Если ранняя могла
 Суждена моей весѣ —
 Ты, кого я такъ любила,
 Чья любовь оспрада мнѣ, —
 Я молю: не приближайся
 Бъ шѣлу Джении шы своей;
 Успѣ умершихъ не касайся,
 Слѣдуй издали за ней.

*

И попомъ оставь селенье!
 Уходи куда нибудь,
 Гдѣ бь шы могъ души мученье
 Усладишь и ошдохнушь.

И когда зараза минешъ,
 Посѣши мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не покинешъ
 Дженни даже въ небесахъ!

*

П р е д с ѣ д а т е л ь .

Благодаримъ, задумчивая Мери,
 Благодаримъ за жалобную пѣсню!
 Въ дни прежніе чума шакая жъ видно
 Холмы и доли ваши посѣшила,
 И раздавались жалкія сшенагья
 По берегамъ пошюковъ и ручьевъ,
 Бѣгущихъ пышь весело и мирно
 Сквозь дикій рай швоей земли родной;
 И мрачный годъ, въ кошорый пало сполько
 Ошважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жершвъ,
 Едва ошпавилъ памяшь о себѣ
 Въ какой пшбудъ просшой паспушьей пѣснѣ
 Унылой и пріяшной пѣшь! ничшо
 Такъ не печалишь насъ среди веселій,
 Какъ шомный, сердцемъ повшпоренный звукъ!

МЕРИ.

О, если бѣ никогда я не пѣвала
 Виѣ хляжины родишелей своихъ!
 Они свою любили слушашь Мери;
 Самой себѣ я, кажешся, внимаю
 Поющей у родимаго порога —
 Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности

ДУПЗА.

Не въ модѣ
 Теперь такія пѣсни! но все жъ ешь
 Еще просшыя души: рады шаяшь
 Онъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣряшь имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неопразимъ — а если бѣ поже
 О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
 Все бѣ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Брикливыхъ Сѣверныхъ красавицъ: вошь
 Она и разстоналась. Ненавижу
 Волосъ Шотландскихъ эшихъ желшину.

ПРЕДСѢДТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу спукъ колесъ!

*(Ѣдет телега, наполненная мертвыми
 тѣлами. Негръ управляетъ ею.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ —
 По языку судя, мужское сердце.
 Но шакъ-шо — нѣжнаго слабѣй жестокой,
 И спрахъ живешъ въ душѣ, спрасшми помимой!
 Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
 Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА (*приходя въ чувство.*)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый
 Онъ звалъ меня въ свою шележку. Въ ней
 Лежали мершвые — и лепешали
 Ужасную, невѣдомую рѣчь
 Скажише мнѣ: во снѣ ли эшо было?
 Проѣхала ль шелега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,

Развеселись — хошь улица вся наша,
 Безмолвное убѣжище ошъ смерти,
 Приюшь пировъ ничѣмъ невозмушимыхъ,

Но знаешь? эта черная шлега
 Имѣешь право всюду развѣзашь —
 Мы пропускашь ее должны! Послушай
 Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
 И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
 Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню —
 Не грустную Шотландской вдохновенну,
 А буйную, вакхическую пѣснь,
 Рожденную за чашею кипящей.

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Такой не знаю — но спою вамъ гимнъ,
 Я въ честь чумы — я написалъ его
 Прошедшей ночью, какъ разспались мы.
 Миѣ спранныя наша охота къ рифмамъ,
 Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
 Охриплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ. —

М н о г и е.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
 Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

П р е д с ѣ д а т е л ь (поеть.)

Когда могущая зима
 Какъ бодрый вождь, вѣдешъ сама

На насъ космашья дружины
 Своихъ морозовъ и снѣговъ, —
 На встрѣчу ей прещашъ каминь,
 И весель зимній жаръ пировъ.

*

Царица грозная, Чума
 Теперь идешь на насъ сама
 И льстившея жашвою богашой;
 И къ намъ въ окошко день и ночь
 Спучишь могильною лопашой. . . .
 Чшо дѣлашь намъ? и чѣмъ помочь?

*

Какъ ошь проказницы зимы,
 Запремся шакже ошь Чумы!
 Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
 Ушошимъ весело умы
 И, заваривъ пиры да балы,
 Возславимъ царшвие Чумы.

*

Ешь упоеніе въ бою,
 И бездны мрачной на краю,

И въ разъяренномъ океанѣ,
 Средь грозныхъ волнь и бурной шьмы,
 И въ Аравійскомъ ураганѣ,
 И въ дуновеніи Чумы.

*

Все, все, что гибелью грозить,
 Для сердца смершнаго шаншь
 Незьяснимы наслажденья —
 Безмершья, можешъ бышь, залогъ!
 И счастливь пошъ, кто средь волченья
 Ихъ обрѣшашъ и вѣдашъ могъ.

*

И шакъ — хвала шебѣ, Чума!
 Намъ не спрашна могилы шьма,
 Нашъ не смущишъ швое призваще!
 Бокалы пѣнимъ дружно мы,
 И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
 Бышь можешъ — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

С в я щ е н н и к ъ.

Безбожный прръ, безбожные безумцы!

Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
 Ругаетесь надъ мрачной пишипой,
 Повсюду смерщю распространенной!
 Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ молюсь я на кладбищѣ —
 А ваши ненависные воспорги
 Смущаютъ пишину гробовъ — и землю
 Надъ мертвыми пѣлами потрясаютъ!
 Когда бы шариковъ и жепъ моленья
 Не освящали общей, смерщной ямы —
 Подумаешь могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника перзаютъ
 И въ шму кромѣшную шащатъ со смѣхомъ.

Н ъ с к о л ь к о г о л о с о в ъ .

Онъ масперски объ адѣ говоритъ!
 Спупай, шарикъ! спупай своей дорогой!

С в я щ е н н и к ъ .

Я заклинаю васъ свяшою кровью
 Спасителя, распяшаго за насъ:
 Прервите пиръ чудовищный, когда
 Желаете вы вспрѣшпшь въ небесахъ
 Ущраченныхъ возлюбленныхъ души —
 Спупайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Домъ

У насъ печальны — юность любишь радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальсннгамъ? ты ль самый шопъ,
 Блю при шому недѣли, на колѣняхъ,
 Трупъ машери, рыдая, обнималъ
 И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
 Или думаешь: она теперь не плачетъ,
 Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
 Взирая на пирующаго сына
 Въ пиру разврата, слыша голосъ швой,
 Поющій бѣшенныя пѣсни, между
 Мольбы свяшой и тяжкихъ воздыханій?
 Спупай за мной!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня превожмишь? Не могу, не долженъ
 Я за побой идти: я здѣсь удержанъ
 Опчаяньемъ, воспоминаньемъ спрашнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ той мершвой пусшопы,
 Бошорую въ моемъ дому встрѣчаю —

И новостью сяхъ бѣшеныхъ веселій,
 И благоданшнымъ ядомъ эпой чаши,
 И ласками (проспи меня Господь)
 Погибшаго — но милаго созданыя....
 Тѣнь машери не вызовешъ меня
 Описелъ — поздно — слышу голосъ швой,
 Меня зовущій — признаю уснляя
 Меня спасши.... спарикъ! иди же съ миромъ;
 Но прокляшъ будь, кшо за тобой пойдешъ!

Многие.

Bravo, bravo! досшойный председаель!
 Вотъ проповѣдь шебъ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Машильды чисный духъ шебя зовешъ!

Председатель (*встаетъ.*)

Блянись же мнѣ, съ подняпой къ небесамъ —
 Увидшей, блѣдною рукой — оставишь
 Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
 О, если бѣ ошъ очей ея безсмершныхъ
 Скрышь эшо зрѣлице! мепя когда-шо
 Она счишала чиснымъ, гордымъ, вольнымъ —
 И знала рай въ объшяяхъ моихъ....

Гдѣ я? святое чадо свѣта! вижу
Тебя я шамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнешь уже

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ съумасшедшій —
Онъ бредишь о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ.

Ощецъ мой, ради Бога,
Осшавь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси себя Господь!
Просни, мой сынъ. (*Уходитъ. Пиръ продолжается.
Предсѣдатель остается, погружен-
ный въ глубокую задумчивость.*)

А. Пушкинъ.